

*«Я ШАГАЛ ПО ОБУТЛЕННОЙ
БОЕМ МЕЖЕ...»:*

военная лирика Алексея Суркова

*Ярославль
2015*

Департамент культуры Ярославской области
Государственное учреждение культуры Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»
Научно-методический отдел

***«Я шагал по обугленной боем меже...»:
военная лирика Алексея Суркова
(материалы к литературному вечеру)***

*Ярославль
2015*

83.3(2Рос = Рус) б
Я 11

«Я шагал по обугленной боем меже...»: военная лирика
Алексея Суркова (материалы к литературному вечеру) / авт.-
сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО
«Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», научно-
методический отдел. – Ярославль, 2015. – 52 с.

© ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», 2015

К читателю

Предлагаемое вашему вниманию издание, посвящённое военной лирике Алексея Александровича Суркова (1899-1983), имя которого носит наша областная юношеская библиотека, выходит в год 70-летия великой Победы. Обращаясь не только к известным, но и к редко публикующимся стихам Суркова, к его публицистике, мы отдаём дань благодарности автору, вклад которого в поэзию Великой Отечественной войны невозможно переоценить.

Как писал о Суркове Константин Симонов: «...Если среди нас живёт поэт, болдинская осень которого пала на два самых тяжелейших, самых страшных лета 41 и 42 года, то это ведь не простое совпадение! Это качество души, которая с самой большой силой приблизилась к душе народной именно в самую тяжкую годину» [8; т.1, с. 596-597]¹. А Д.И. Ортенберг (Вадимов), ответственный редактор газеты «Красная звезда» 1941-1943 годов, вспоминал о военном корреспонденте Суркове: «Его справедливо звали у нас окопным писателем, певцом солдатских дум...» [8; т.1, с. 596].

Методический материал «Я шагал по обугленной боем меже...»: военная лирика Алексея Суркова (материалы к литературному вечеру)» выходит в серии «В творческую копилку библиотекаря», выпуски которой носят исследовательский характер, что предполагает их применение как в заявленном формате, так и выборочно, в качестве включения в мероприятия краеведческой направленности, а также для расширения кругозора библиотекаря и читателей. В *Приложении* представлены фотоматериалы об Алексее Суркове военных лет.

Для организации выставки о жизни и творчестве А.А. Суркова рекомендуем использовать издания из списка литературы и библиографический указатель «Певец нашей победы» [3], выпущенный Областной юношеской библиотекой им. А.А. Суркова.

---

¹ Здесь и далее в квадратных скобках после цитаты указан порядковый номер издания в списке литературы, том (для собрания сочинений) и страница.

«Я шагал по обугленной боем меже...»:
военная лирика Алексея Суркова
(материалы к литературному вечеру)

Из воспоминаний дочери поэта, Натальи Алексеевны Сурковой: *«С войны приехал папа! Он высокий, в военной форме, с огромными усами! Но, говорят, я долго смотрела на отца, а потом сказала:*

– А всё-таки это он» [10; с. 287].

Маленькая девочка точно уловила сохранность человеческой сущности фронтового поэта, прошедшего «по обугленной боем меже» Великой Отечественной войны, видевшего смерть во всей её откровенной и жёсткой неприглядности, бывшего свидетелем жестоких и страшных событий, которые, казалось бы, должны были неузнаваемо изменить его. Но, оказывается, сердце может не поддаться внешним обстоятельствам. И тогда поэзия, живущая в этом сердце, становится жизненно необходимой очень многим людям, становится частью их судьбы.

Софье Кревс

*Положи мне на плечи руки
И в глаза прямее взгляни.
Если б знала ты, сколько муки
Сердце приняло в эти дни!*

*Нелегко ходить без оглядки,
Не мигая, в огонь смотреть.
Возле губ наших горькие складки
Будет трудно стереть.*

*Даже если к полкам и ротам
Мир придёт в окопную глушь,
Мы не скоро назад воротим
Равновесие наших душ.*

*Сменит вспышки ракет зарница,
Зарастут окопы травой,
А солдату всё будут сниться
Рёв мотора и бомбы вой.*

*Всё же верю — пройдёт война.
И над выжженными полями
Оживёт убитая нами
В этот страшный год тишина.*

(«Положи мне на плечи руки...», 1942) [8; т.1, с.297]

Алексей Александрович Сурков (1899-1983) счастливо сочетал в себе поэтический талант и воинский опыт (гражданская война, на которой он был конным разведчиком и пулемётчиком; финская кампания 1940 года и Великая Отечественная война, где он стал военным корреспондентом фронтовых газет «Красноармейская правда» и «Боевой натиск», а также спецкором центральных газет «Известия» и «Красная звезда»). Он относился к тем поэтам, звёздный час которых совпадает с самым трудным и трагическим часом в жизни народа и которым удаётся выразить то, чего в этот час особенно жаждет душа, – в индивидуальном выразить общее. В спокойные времена, когда исчезает контекст общего, такие поэты как будто теряют голос, но, словно по волшебству, обретают его в годину испытаний.

И потому именно стихи Суркова, вырезанные из газеты, залитые кровью погибшего бойца, прислал в редакцию «Правды» политрук с передового рубежа Великой Отечественной, именно его песне «В землянке» поставлен неофициальный, самодеятельный памятник в деревне Кашино Истринского района Московской области.

Мы не случайно начали разговор с семейной темы – ведь именно семья, любовь близких людей поддерживали тот невидимый огонь, что согревал солдата, и о чём сам Сурков писал, вспоминая первые страшные дни войны: «*Нужны*

были поистине нечеловеческие усилия воли, чтобы оградить от пламени беды ростки надежды, жившей в глубине сердца» [5; с. 8].

Тема эта появляется уже в сборнике поэта «Фронтовая тетрадь», вышедшем в издательстве «Молодая гвардия» маленькой книжечкой в четверть листа тиражом 50 000 экземпляров в октябре 1941 года и содержащем, судя по подзаголовку, стихи, написанные в июне-августе этого трагического года. Во время войны были изданы сборники стихов Суркова «Декабрь под Москвой», «Дороги ведут на Запад», «Солдатское сердце», «Наступление», «Стихи о ненависти», «Песни гневного сердца» и «Россия карающая», но, прежде всего, мы остановимся на этом сборнике, ставшем своеобразным камертоном лирики, которую стали называть «поэзией солдатского сердца».

Единственный экземпляр книги «Фронтовая тетрадь» сохранился у дочери поэта Натальи Алексеевны Сурковой и стал доступен благодаря репринтному воспроизведению в издательском центре Истринской молодёжной общественной организации Клуб «Исток», которая поставила и памятник песне «В землянке». На обложке книги слова, написанные от руки автором и обращённые к жене: *«Тебе, солнышко моё»* [Приложение, с. 50].

В книге «Фронтовая тетрадь» два раздела: «Я пою ненависть» и «Я пою бой», но на самом деле главным в ней остаётся любовь, боль любящего сердца, которое невозможную, немислимую, убийственную трагедию страны и каждой отдельной семьи стремится преодолеть, выразив её в гармонии стиха и песни.

Тема страдающего, убиваемого войной детства возникает в первом же стихотворении сборника:

*Детей не ждёт тепло родного крова,
В наплывах крови мёртвая трава*

(«Детей не ждёт тепло родного крова...», 1941) [9; с. 4],

а далее становится зримой, выражаемой конкретными, запоминающимися образами:

*Помню: старуха козлёнка вела,
Девочка в тонких ручонках несла
Маленький кустик чахлой герани.
Гнал их из города ужас ночной...*

(«Толпы людей без конца и числа...», 1941) [9; с. 6]

или:

*На перекрёстках разбитых дорог
Распяты взрывами малые дети.*

(«Лес притаился, безмолвен и строг...», 1941) [9; с. 7]

Слушая вой летящих над головой на Москву фашистских самолётов, один из товарищей поэта говорит о страстном желании иметь крылья, чтобы прикрыть собой родной город, а у другого вырывается клятва:

*– Клянусь тебе жизнью, родная Москва,
За кровь на асфальте, за женщин в слезах,
За ужас в бессонных ребячьих глазах,
За взорванный бомбами детский уют,
За каждый кирпич, что они разобьют...
Мы страшной расплатой врагу воздадим!*

(«Опять этот долгий, прерывистый вой...», 1941) [9; с. 14]

Рассказывая о белорусских партизанах в стихотворении «Дед Талаш», Сурков и тут не минует судьбу мальчика, ласково названного по имени:

*Лёгкой тенью внук Михасик
Прикрывает дедов след.*

(«Дед Талаш», 1941) [9; с. 31]

Пронизывает читателя в сурковских стихах невыразимое отцовское горе:

*Пройдя сквозь строй железных гроз,
Узнав, что дом с семьёй сгорел,
Он от невыплаканных слёз
Лицом и сердцем почернел.*

(«Пройдя сквозь строй железных гроз...», 1941) [9; с. 8]

Или, в другом стихотворении:

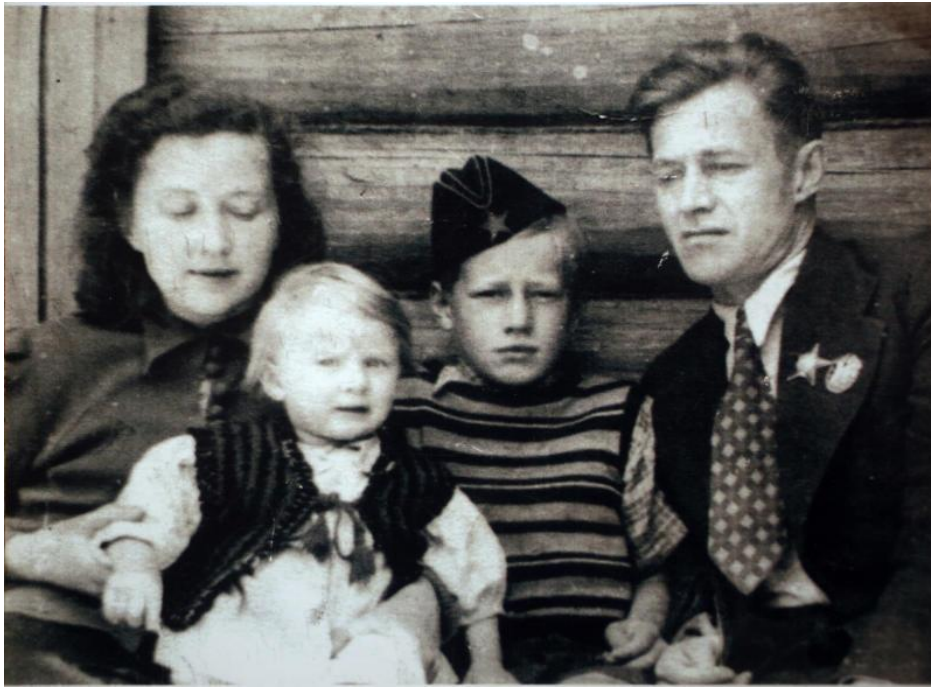
*Он мне сказал, отходя к сну:
– Чёрные тени в глазах рябят.
Только забудусь – вижу жену,
Только забудусь – вижу ребят.
Мёртвые дети мерещатся мне.
Дрожь пробегает с волос до пят.*

(«Он мне сказал, отходя ко сну...», 1941) [9; с. 9]

Но Алексей Сурков, военный корреспондент на передовой, ещё и сам отец. Он тоже в любую минуту может погибнуть и, как каждый фронтовик, пишет письма своим близким, своим далёким любимым детям. Письма в стихах в Чистополь на Каме, где живёт в эвакуации его семья: жена Софья Антоновна (знаменитая «Землянка» – она из военного «треугольничка» – стихотворного письма жене с фронта, из землянки, в которой поэт оказался, пройдя минное поле) и дети: Алёша и Наташа.

Алёша постарше, и отец видит в нём своё продолжение: и в цвете его синих глаз, и в биении его сердца. Сын должен помнить слова отца, гордиться им или, если тот погибнет, его памятью и не бояться за свою жизнь, которую сохранит родина, сбережённая его отцом:

*Я жить, побеждая, хочу,
Но война есть война.
И если фашистская пуля
Мой путь оборвёт,*

*Семья Сурковых: Софья Антоновна, Наташа, Алеша,
Алексей Александрович*

*Заменит отца тебе
Наша большая страна,
И сердце моё
В твоей груди оживёт.
Я в трудное время
Исполню свой долг до конца.
Тебе не придётся краснеть,
Вспоминая отца».*

(«Мой сын синеглазый!..», 1941) [9; с. 18]

Свою дочку Наташу, которую поэт так давно не видел, Сурков, будто наяву, представляет по её ладошке, обведённой для него на листочке женой:

*Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем ещё крошка. Война далеко.
И тебе до неё не дойти.*

*Мы в письме нарисуем ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спою?
Хочешь, сказочку расскажу?*

(«Стали в августе ночи длинные, темны...», 1941) [9; с. 22]

Дочка совсем маленькая и не понимает, почему она разлучена с отцом:

*Дочка шепчет: «Мама, дойдём до войны
И его домой приведём». [9; с. 22]*

А потому отец пишет ей о войне так, как будто рассказывает страшную сказку с хорошим концом, где злого немецкого волка, который

*Жадно гложет кости малых ребят,
Жадно кровь горячую пьёт [9; с. 22],*

неприменно победит её храбрый отец:

*Чтобы воины наши домой пришли,
Надо злого волка убить.*

*Твой отец с победой вернётся домой,
Приласкает дочку свою.
Ты уснула, пушистый зайчонок мой.
Баю-баюшки, баю-баю! [9; с. 22].*

Мы видим, что фронтовые стихи Алексея Суркова – это, действительно, «поэзия солдатского сердца», так как личные, не ангажированные никем, переживания поэта оказались той мелодией, на которую откликнулась и которую запела истерзанная душа русского солдата. В груди воина билось то

же сердце, что стало слышимым в трёхдольном размере сурковской «Землянки» («Бьётся в тесной печурке огонь...»).

Вот что рассказывал о создании знаменитой песни «В землянке» сам автор, Алексей Александрович Сурков:

«Песня «Бьётся в тесной печурке огонь», если не ошибаюсь, была первой лирической песней, рождённой из пламени этой войны, безоговорочно принятой и сердцем воюющего солдата, и сердцем тех, которые его ждали с войны.

Возникло стихотворение, из которого родилась эта песня, случайно. Оно не собиралось быть песней. И даже не претендовало стать печатным стихотворением. Это были шестнадцать «домашних» строк из письма жене. Письмо было написано в конце ноября, после одного очень трудного для меня фронтового дня под Истрой, когда нам пришлось ночью, после тяжёлого боя, пробиваться из окружения со штабом одного из гвардейских полков.

Так бы и остались эти стихи частью письма, если бы уже где-то в феврале 1942 года не приехал из эвакуации композитор Константин Листов, не пришёл в нашу фронтовую редакцию и не стал просить «что-нибудь, на что можно написать песню». «Чего-нибудь» не оказалось. И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову, будучи абсолютно уверенным в том, что хотя я свою товарищескую совесть и очистил, но песня из этого абсолютно лирического стихотворения не выйдет. Листов побегал глазами по строчкам. Промычал что-то неопределённое и ушёл. Ушёл, и всё забылось.

Но через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил у фотографа Савина гитару и под гитару спел новую песню «В землянке».

Все свободные от работы «в номер», затаив дыхание, прослушали песню. Всем показалось, что песня «вышла». Листов ушёл. А вечером Миша Савин после ужина попросил у

меня текст и, аккомпанируя себе на гитаре, спел новую песню. И сразу стало видно, что песня «пойдёт», если обыкновенный потребитель музыки запомнил мелодию с первого исполнения.

Песня действительно «пошла». По всем фронтам – от Севастополя до Ленинграда и Полярного. Некоторым блюстителям фронтовой нравственности показалось, что строки «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» – упаднические, разоружающие. Просили и даже требовали про смерть вычеркнуть или отодвинуть её подальше от окопа. Но портить песню уже было поздно, она «пошла». А, как известно, «из песни слова не выкинешь».

О том, что с песней мудрят, дознались воюющие люди. В моём беспорядочном армейском архиве есть письмо, подписанное шестью гвардейскими танкистами. Сказав несколько добрых слов по адресу песни и её авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравится строчка «до смерти четыре шага».

«Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, – мы-то ведь знаем, сколько шагов до неё, до смерти».

Ещё во время войны Ольга Берггольц рассказала мне один случай. Пришла она в Ленинграде на крейсер «Киров». В кают-компании собрались офицеры крейсера и слушали радиопередачу; когда по радио была исполнена «В землянке» с «улучшенным» вариантом текста, раздались возгласы гневного протеста, и люди, выключив репродукторы, демонстративно спели песню в её подлинном тексте» [10; с. 294-295].

Вот в таком:

Софье Кревс

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

*Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.*

*Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти - четыре шага.*

*Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.*

(«Бьётся в тесной печурке огонь...», 1941) [8; т.2, с. 367]

«Многозначность слова «бьётся» открывает путь в подлинные глубины смысла: это бьётся, прежде всего, сердце автора, бьётся солдат на поле боя, бьётся в руках пойманная птица, бьётся посуда к счастью... «Бьётся в тесной печурке огонь» – чисто русский сплав несочетаемого, единство радости и страдания. То, что зовут «загадочной русской душой».

А гармоника в конце стихотворения зовёт «заплутавшее счастье». Но ведь заплутавший всегда выходит «на огонёк», то есть к той же печурке. И вдруг – неожиданно: «Мне в холодной землянке тепло...». «В холодной». Оказывается, греет-то не огонь в печурке, а сердце, в котором негасимая любовь. Отсюда «тесная печурка», тесная – словно грудная

клетка. Вспомним высоко ценимого Сурковым Маяковского с его «пожаром сердца»:

*Дайте о рёбра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!»* [2; с. 143-144]

Именно Сурков впервые в эту страшную войну заговорил о драгоценности солдатского сердца, о его ранимости, о необходимости для него человеческой и поэтической поддержки:

*Над солдатом беснуется рваная сталь.
Третий год оглушает его канонада.
А солдатское сердце, как хрупкий хрусталь, –
Чтоб разбить его, много металла не надо.*

*Лаской, Родина, душу его охрани,
Чтоб тоска негасимый огонь не украла.
У солдатской души нет уральской брони,
Ни кольчуги, ни рыцарских лат, ни забрала.*
(«На российской земле», 1943) [8; т.1, с. 350]

Отсюда у Суркова не только цензурные, но и внутренние ограничения в печатном слове, ограничения того, что рвётся из груди поэта, но что способен выдержать только опытный боец, научившийся «по-солдатски справляться с нервами» [8; т.1, с. 442], а не молодой, необстрелянный либо растерявшийся.

«Человек, попавший в те дни на фронт, – пишет Сурков о своих первых военных впечатлениях конца июня 1941 года, – сразу же погружался в пучину крови, разрушений, невыносимых страданий человека с ружьём и сотен тысяч беззащитных беженцев, спасавшихся от железной грозы на

восток, за фронт. В великом хаосе вынужденного отступления нестойкие душой люди могли впасть в панику и потерять всякую перспективу, потому что всё получалось наоборот тому, как до войны представляли себе её ход, помня лозунги «коротким и сильным ударом», «на чужой территории», «малой кровью» и т. д. и т. п. <...>

И пусть будущие критики обвинят нас в лакировке и «срезании острых углов», мы не чувствовали за собой морального права увеличивать смятение и растерянность сердец воплями о несчастьях, обрушившихся на голову нашего народа, нашей армии. Потом, через несколько месяцев после начала войны, мы нашли подлинную, нефальшивую ведущую ноту нашей лирики военных лет. А в первые дни и месяцы войны мы старались из потока событий вырвать и сделать всеобщим достоянием всё то, что окрылило бы человеческую душу на подвиг, что помогало бы солдату преодолеть горькое чувство стыда, не преувеличивать силы фашистов, звать к войне упорной, настойчивой, смелой и умелой» [8; т.3, с. 105-106].

«Как трудно было выпить всю эту горечь залпом и до дна» [7; с. 8], – писал впоследствии Алексей Александрович. И потому Сурков не публиковал во время войны, например, стихотворение «Сверля туннели по сугробам талым...»:

*Сверля туннели по сугробам талым,
Ручьи, звеня, стремятся в лоно рек.
А при пути, измученный металлом,
Как свечка, догорает человек.
Его убийц тесня и настигая,
За горизонт товарищи ушли.
Слепит глаза голубизна нагая,
Тревожит запах тающей земли.*

*Кровь застывает, по виску стекая,
Взгляд застилает дымка полусна.*

*И зреет бред... Так вот она какая,
Последняя, двадцатая весна.*

*До тех, что скрылись за горбом пригорка,
Не докричишься, сколько ни кричи.
Баюкает ручьев скороговорка,
Картавят рядом чёрные грачи.*

*И весь в свеченье небосвод высокий.
И степь под снегом празднично светла.
Ты слышишь? — В травах оживают соки
От каждой капли твоего тепла.*

*Под Белгородом
1943*

[8; т.1, с. 353]

Поэт запрещает себе такой подход к теме; он публикует другое стихотворение, тоже трагичное и тоже о двадцатилетнем войне, но в котором сердечный надрыв закрыт, «спрятан» за символом – сединой молодого солдата:

*Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?*

*Западный фронт
1941*

[8; т.1, с. 207]

В стихотворениях первых месяцев войны Алексей Сурков не позволяет себе психологически анализировать фронтовые впечатления без того, чтобы не указать выход читателю из великих страданий, назвав пути такого выхода. Это оправдание мести за непереносимую душой жестокость фашистов, это героизм мирного населения – матерей, стариков, детей, – который должен быть поддержан солдатами, несущими надежду на спасение и на возвращение мирной жизни в каждую семью. Это уверенность в справедливости общего дела и неотвратимости возмездия врагу, захватившему родную землю.

*В смертном ознобе под ветром трепещет осина.
Окна распахнуты настежь. Тёмная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
Вдаль без пути, без дороги тихо бредёт сирота.*

*Ворон-могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в чёрную ночь с обгорелых ворот...
Пламенем, сталью, мстью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счёту народ.*

*Ненависть в сердце, как порох сухой, пронесли мы.
Скоро окрепнут морозы. В поле завоюет пурга.
Воины-мстители встанут, яростны, неумолимы,
Грозной, разящей лавиной хлынут по следу врага.*

*Будет земля под ногами врага расступаться.
Мстящее пламя пройдет от стрехи до стрехи.
Горе вам, девушки Шлезвига, Шварцвальда, Граца!
Не возвратятся с востока в свадебный день женихи.*

*Смерть их настигнет в каждом лесу и долине,
Каждое дерево встретит смертным ожогом ружья.
Горе вам, жёны в Мюнхене, Кёльне, Берлине!
Не возвратятся с востока к вашему крову мужья.*

*Смерть их настигнет, в какую ни спрятались щель бы.
Ярость сожжёт их, как жжёт сорняки суховой.
Горе вам, матери с Одера, Рейна и Эльбы!
Вам не дожидаться с востока, вам не встречать сыновей.*

*Не возвратится ваш выводок волчий с востока.
Орды пришельцев утонут в чёрной разбойной крови.
Именем жизнь клянёмся — гнать, истребляя жестоко,
И ненавидеть клянёмся — именем нашей любви.*

*Под Москвой
1941*

[8; т.1, с. 232-233]

Размер стихотворения напоминает тот, которым рассказывал о подвигах античных героев Гомер:

*Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул...*

(Гомер, «Илиада», Песнь первая; перевод Н. Гнедича)

[1; с. 15]

Здесь мы видим опору на мировую культуру, как в стихотворении «Белоруссия» – отзвук «Слова о полку Игореве» и Отечественной войны 1812 года:

*Это в памяти зарублено на века:
Днепр-река,
Сож-река,
Припять-река
И лесная Березина.
А вода, как злая полынь, горька,
Как людская слеза, солонка.
На дорожных присадах трупы висят.*

*Пепел – мёртвых рук холодней.
День за днём,
День за днём,
Восемьсот пятьдесят
Нестерпимых, жестоких дней.
День за днём,
День за днём –
Без конца.
Каждый день – тяжелей свинца.
Из суглинка бьют кровавые ключи.
Красный дым застлал небосклон.
А бездомный ветер поёт в ночи
Про немецкий полон.
Восемьсот пятьдесят ночей и дней
Кровь отцов и слёзы сирот.
Есть ли мера великой муке твоей,
Белорусский народ?*

<...>

*Восемьсот пятьдесят ночей и дней
Реки – вплавь, а болота – вброд.
Есть ли мера ярости правой твоей,
Белорусский народ?*

<...>

*Через Днепр, через Припять летит снаряд,
Настигает, разит врага.
На лесистых угорьях костры горят,
Под ногами гудят луга.
Дождалось Полесье добрых вестей.
Звонок первый декабрьский лёд.
С первопутком встречай дорогих гостей,
Белорусский народ!*

*Западный фронт
1943*

[8; т.1, с. 364-366]

А корни фронтовой поэзии уходят всё глубже, вырастая из вечного русского фольклора, с его героическими былинами и сказками о мёртвой и живой воде.

Глоток воды

*До чего же бывает речная вода хороша,
Если пить её в полдень большими глотками из каски.
Отлетает усталость. Теплеет живая душа,
Как в недавнее время теплела от девичьей ласки.*

*А когда ту реку называют, к примеру, Днепром,
И снаряды у борта ложатся всё чаще и чаще,
И двенадцатый "юнкерс" заходит в пике на паром, -
Вам водица покажется мёда пчелиного слаще*

*Мы сотрем рукавами холодного пота следы,
Вспомним прошлое лето – и Волгу, и Маныч, и Терек,
И, хмелея от ветра и чистой днепровской воды,
Ураганом атаки сорвемся с парома на берег.*

1943

[8; т.1, с. 404]

Как самого Суркова питают ключи русской поэтической традиции, дают ему опору в тяжелейшее время, так и его афористичный песенный слог даёт опору воюющему солдату. В качестве примера можно привести рассказ партизанки Клавдии Милорадовой о встрече, которая произошла в 1942 году в ЦК комсомола. На эту встречу были приглашены молодые герои войны и, рассказывая о себе, девушка упомянула, что «в самые трудные минуты всегда твердила "молитву"».

Разумеется, в столь атеистическом кругу это признание вызвало всеобщее оживление и весёлое любопытство. Молитва оказалась стихотворной:

*Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт.*

И тогда, как вспоминает Милорадова, сидевший рядом худенький военный встал и сказал: «Благодарю вас, это выше всех похвал!». А Самуил Яковлевич Маршак представил удивлённой девушке автора «Песни смелых», откуда и были взяты эти строки.

В ту давнишнюю встречу А. Сурков подарил Клавдии Александровне книгу своих фронтовых стихов, которая потом долго странствовала вместе с ней и была зачитана, что называется, до дыр» [8; т.1, с. 18-19].

Многие сурковские строчки переходили с газетных страниц в живую память фронтовиков. Приведём хотя бы некоторые из них.

*Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города, берут.*

(«Связист», 1941) [8; т.1, с. 234]

*Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву.*

(«Подошла война к Подмосковию...», 1941) [8; т.1, с. 235]

*Смерть подступала к нему в упор.
Сталью хлестала тьма.
Артиллерист, пехотинец, сапёр –
Он не сошёл с ума.*

Что ему пламя геенны, ад?..

Он защищал Сталинград.

(«Защитник Сталинграда», 1942) [8; т.1, с. 337]

*Шумя на ветру полковыми знамёнами,
На запад пошла в наступленье весна.*

(«Танки идут в атаку», 1942) [8; т.1, с. 250]

*На совесть отрыта землянка,
Сосновый накат в три ряда.
И хлеб, и консервная банка,
И русская злая вода.*

(«Застольная песня», 1942) [8; т.1, с. 272]

*Сурков А.А. (справа) и Симонов К.М. (в центре).
Действующая армия, 1941-1942 гг.*

«Голос войны, как бы громок он ни был, – сказал однажды Алексей Сурков, – бессилен перед слабым человеческим голосом поэта, если этот голос окрылён любовью к жизни» [8; т.1, с. 19].

*И если найдёт меня пуля у флага,
Ты выбери время – друзьям напиши,
Что прожил как надо весёлый бродяга,
Доверенный честной солдатской души.
(«Дружба», 1942) [8; т.1, с. 276]*

«Доверенный честной солдатской души», поэт глубоко сознавал свою миссию. Солдат на фронте уходит в бой и гибнет, желая, но часто не умея сказать о том, что он чувствует, – ни в письмах близким, ни в своих рассказах. Ему необходимо, чтобы кто-то выразил то, что его тревожит,

сказал о страшном, тяжелейшем ратном труде высоким слогом, но достоверно, «по правде». Чтобы именно таким воин остался в памяти родных, близких, а главное, – детей, если не вернётся с войны. «Тебе не придётся краснеть, вспоминая отца» [9; с. 18], – под этой строкой Суркова, обращённой к сыну, мог подписаться любой фронтовик, честно выполняющий свой долг.

Заметим, что намеренный пафос, пустые красивые фразы совершенно неприемлемы в солдатской среде, и поэт это глубоко чувствует. Сурков так сформулировал свою непростую поэтическую задачу в стихотворении «Ключи к сердцу»:

*Привычной меркой без толку не мерьте
Всё, что грозой войны потрясено.
Тому, кто ходит близко возле смерти,
На свете видеть многое дано.*

*Мы стали все придирчивей и резче,
Изведав треволнения войны.
Для нас теперь поступки, люди, вещи
Дрожащим светом битв освещены.*

*Мы видим всё отчётливей и дальше
В годину потрясений и разрух.
Ревниво ловит дребезжанье фальши
В литых словах наш обострённый слух.*

*Когда снега багрились кровью ало,
С души солдатской, что таить греха,
Как мёртвый лист по осени, опала
Красивых слов сухая шелуха.*

*Душа бойца взыскательно сурова,
Не ей витийству пышному внимать.*

*Мы стали молчаливей. С полуслова
Привыкли мы друг друга понимать.*

<...>

*И если ты встаёшь под наше знамя,
В дверь блиндажа уверенно стучи.
Тот, кто печаль и радость делит с нами,
К душе солдатской подберёт ключи.*

Западный фронт

1942

[8; т.1, с. 274-275]

Сурков стал своим, необходимым солдатским поэтом именно там, где «до смерти четыре шага». Бывало, что стихи Суркова даже способствовали тому, чтобы героя нашла награда. Так произошло с героем маленькой поэмы «Песня о слепом баянисте», посвящённой «Мише Попову, слепому баянисту воздушнодесантной бригады имени Кирова», ведь невозможно было не откликнуться всем сердцем рассказу поэта:

*Немного в жизни надо нам.
Мы мёртвым полем шли
И в поле том негаданно
На песню набрели.*

*Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива,
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.*

*Над песней ветер крутится –
Задира и буйн.
Сквозь снежную распутицу
Её ведёт баян.*

*Старинная, не новая,
Она цветёт в груди, —
Ведь зарево багровое
За Нарой, впереди,*

*Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва...
И стали вновь понятными
Старинные слова.*

*Огонь метнулся и погас
В кустах между ветвей.
«Настал, настал тяжёлый час
Для родины моей».*

*«Настал, настал тяжёлый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей».*

*Сечёт струя упрямая
По снежной целине —
«Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горшишь в огне»².
Осколки падают к ногам,
А с песней ночь тепла.
Откуда ты в железный гам
К нам в гости забрела?*

---

² «Трансвааль, страна моя, ты вся горшишь в огне...» — русская народная песня на мотив песни «Среди долины ровныя...», созданная на основе стихотворения Галины Галиной об Англо-бурской войне (1899). Попав в народ, стихи были переделаны. Песня пользовалась в России популярностью и после Англо-бурской войны, особенно во время Первой мировой и Гражданской войн (прим. составителя).

<...>

*Огня струёй багровой
Кустарник опален.
В ружьё, на смерть готовый,
Поднялся батальон.*

*Всё ближе рёв и топот,
Всё резче ветра свист,
На ощупь из окопа
Выходит баянист.*

*Сечёт свинец горячий,
Над полем сталь гудёт,
А он вперёд, как зрячий,
Уверенно идёт.*

*Над полем небо в звёздах,
От залпов ночь глуха.
Баян глотает воздух
В просторные меха.*

*В снегах лощины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь за песней
Товарищи идут.*

<...>

*Звенит над болью жгучей
И гонит забытьё...
Баян ты мой певучий,
Оружие моё!*

*Западный фронт
1942 [8; т.1, с. 538-544]*

Чуткий, внимательный, всё понимающий взгляд Суркова представил в стихах своеобразную «энциклопедию» судеб людей, идущих сквозь страшную войну от вынужденного отступления к Победе. Это не только воины, но и солдатские жёны и матери, отцы и деды, часто жизнью своей доказывающие красоту, величие и негибаемость души перед врагом:

*Утопили фашисты
В трясине Прасковья сына.
Наглумились враги
Над её материнской любовью,
А она претерпела.
Тогда застрелили Прасковью.
На задворках трава
Сапогами чужими примята.
Три немецких солдата
Вскинули три автомата.
Три ствола,
Три огня
Непокорная, падая, видела.
Не запачкала душу.
Соседей своих не обидела.
Партизанские думки
Врагам на глумленья не выдала.
Вот и весь мой рассказ.
Что задумался? Спи на здоровье!
А ребятам в полку
Расскажи о солдатке Прасковье.
(«Прасковья», 1943) [8; т.1, с. 393-394]*

Перед нами проходят запоминающиеся образы страдающих детей и идущих на подвиг, не жалеющих жизни в борьбе с врагами юношей и девушек нашей страны. Таких,

как юная Таня³ или не названный по имени парнишка-партизан в стихотворении «Однажды ночью»:

*Вся ночь пролетела как страшный бред.
Расстрел назначили рано.
А было ему шестнадцать лет,
Разведчику-партизану.*

*В сенях умирал заколотый дед.
Сестренке ломали руки.
А он все твердил упрямое «нет!»
И стоном не выдал муки.*

*Вдоль сонной деревни его вели
В пустое, мёртвое поле.
Морозные комья стылой земли
Босую ступню кололи.*

*Мать вскрикнула тонко, бела как мел,
И в поле вдруг стало тесно.
А он подобрался весь и запел
Свою комсомольскую песню.*

*На залп он качнулся лицом вперёд
И рухнул в холодный пепел.
Ты понимаешь? Твой народ
Нельзя заковать в цепи.*

(«Однажды ночью», 1942) [8; т.1, с. 260]

Отмечены сурковским стихом родные солдатам люди не только в России, но и в разных уголках огромного Советского

---

³ Зоя Космодемьянская, замученная гитлеровцами в декабре 1941 года в подмосковной деревне Петрищево. А. Сурков посвятил героине стихотворения «Таня» и «Зоя», а также статью «Девушка-песня» (прим. составителя).

Союза, например, в Армении, где женщина видит во сне идущего в атаку мужа:

*Над ним летит снаряд, надрывно воя,
А он кричит, бесстрашный сокол твой:
– Смотри, Ануш! Сквозь смертный ветер боя
Иду я, побеждающий, живой.*

(«Спит женщина... Рычанием железа...», 1945-1949)

[8; т.1, с. 450]

И, конечно, сквозь всю фронтовую лирику Алексея Александровича Суркова проходит образ нашего солдата – во всех его ипостасях. Мы встречаем в стихах сапёров, связистов, танкистов, лётчиков, пехотинцев, разведчиков... Мы видим солдата в атаке и на отдыхе, раненным и приходящим в себя после контузии, поющим песню и пишущим письмо, реагирующим на шутку и тоскующим о любимой, впервые принимающим бой и помнящим о прежних тяжёлых дорогах. Солдат имеет право провозгласить тост за Победу, он воплощает высшую правду:

*Ещё не зная дня и часа,
Когда наступит торжество,
Над Волгой и в степях Донбасса
Мы свято верили в него.*

<...>

*Мы так неистово хотели
Приблизить долгожданный час,
Что ни снаряды, ни метели
Остановить не смели нас*

*На рубежах весны четвёртой,
В награду за года тревог,
В дыму и прахе распостёртый,
Берлин лежит у наших ног.*

*Не умолкает гром орудий.
Бушует пламя в дымной мгле.
И говорят друг другу люди:
– Есть справедливость на земле!*
(«День торжества», 1945) [8; т.1, с. 454]

А рядом со стихами о солдате – стихи о его родной земле как о глубинной составляющей его внутреннего мира.

*Потоптан лог железными копытами.
Лес притаился. Птичий гомон смолк.
И над твоими ранами открытыми
Склонился Гитлер, как голодный волк.*

*И заросли поля чертополохами.
И дик простор горелых пустырей.
И ты лежишь, овеянная вздохами
Солдатских жён и скорбных матерей.*

*Над головнями влажными и чёрными,
Как наша кровь, краснеют кирпичи.
Но кузнецы, склонённые над горнами,
Уже куют победные мечи.*

*Уж по земле, во власть пожара отданной,
Заветам славы дедовской верны,
На ратный подвиг посланные Родиной,
Твоих врагов теснят твои сыны.*

*Их ждуют осинник, и речушка узкая,
И синий бор, и жёлтые поля.
Ты им дорожке жизни, радость русская,*

Суглинистая, жёсткая земля.
(«Родина», 1943) [8; т.1, с. 339-340]

*Мы в песнях для потомства сбережём
Названья тех сгоревших деревень*
(«Вот бомбами разнётанная гать...», 1941 [8; т.1, с. 238]), –

говорит поэт в другом стихотворении, подчёркивая справедливую и такую необходимую долговечность песенного слова.

Родная земля провожает солдата в последний путь, когда нет рядом никого из близких и друзей:

*Незрячие глаза остекленели.
И, как густое терпкое вино,
На старенькой заношенной шинели
Расплёснута багряное пятно.*

*Теперь штыку о котелок не брякать, –
Штык и винтовка старшине сданы.
Предсмертной мукой руки вмяты в мякоть
Земли, набухшей соками весны.*

*Земля родная лёгкой сенью клёна
Накрыла тело брэнное твоё.
Своей солдатской кровью из полона
Ты в это утро выкупил её.*

(«Незрячие глаза остекленели...», 1943) [8; т.1, с. 358]

Это стихотворение не было опубликовано во время войны. Оно оставалось во фронтовых тетрадях поэта, как и другие стихи, связанные с трагизмом личных переживаний, вызванных, по словам Суркова, «свинцовой усталостью тела и сердца» [8; т.1, с. 593]. Собранные в одну заветную полевую книжку, стихи предварялись словами, обращёнными Сурковым к самому себе: «Ты тогда будешь публиковать записанное в книжку, когда пройдёт десять лет после

окончания войны. Если ты не дойдёшь до Дня Победы, пусть это сделают те, в чьи руки книжка попадёт» [8; т.1, с. 593].

Стихи были опубликованы в 1957 году в журнале «Знамя» (№ 3). Интересно, что они всё же сохранялись поэтом всю войну, в то время как к прозе, «*рассуждениям и размышлениям*», отношение было жёсткое. Сурков писал в своём очерке «На дорогах войны»: «*На войне мы не особенно склонны были доверять свои мысли бумаге. Особенно в первом году войны. Не хотелось, чтобы в случае реального на войне смертельного исхода командировки (сколько окружений было!) снятые с твоего трупа записные книжки стали бы материалом против своих, на потребу геббельсовской⁴ пропаганде*» [8; т.3, с. 151].

Но восприятие русских стихов, видимо, было, по мысли поэта, недоступно фашистскому разуму, лишённому души. И потому тайная тетрадка дошла до нас. Прочтём некоторые из этих стихотворений, начиная как раз с тех, что были написаны в горькие дни отступления.

В июле

*Танк прошёл, железными лапами звякая.
Опустело шоссе. Мы снова одни.
Мы с тобой постарели. Мы видели всякое
На военных дорогах в июльские дни.
Были плотно забиты арийскими ордами
Большаки и просёлки. И зной неживой
Плыл над беженским горем, над конскими мордами,
Над взбесившейся пылью и мёртвой травой.
Радость лёгкой победы, заране угаданной,
В эти чёрные дни утонула в крови.*

---

⁴ Пауль Йозеф Геббельс – рейхсминистр народного просвещения и пропаганды нацистской Германии (1933—1945), рейхслайтер по вопросам пропаганды NSDAP (национал-социалистическая немецкая рабочая партия). На Нюрнбергском процессе руководящий состав партии был объявлен преступным, а идеология НСДАП называлась одной из главных причин войны (прим. составителя).

*Стыд по сердцу прошёл обжигающей ссадиной.
Что нам делать?*

– Замолкни ты, душу не рви!

(«В июле», 1941) [8; т.1, с. 215]

Московская картинка

*На город, злоеце окрашенный заревом,
Срывается ярость грохочущих глыб.
А небо над ним как гигантский аквариум,
Где плавают стаи диковинных рыб⁵.
Сирена, несчастий и бедствий пророчица,
Рычаньем к земле прибывает траву.
И бедному разуму верить не хочется,
Что это Москва не во сне – наяву.*
(«Московская картинка», 1941) [8; т.1, с. 240]

Когда долго идёт дождь

*Болотная мутная ночь белобрыса.
На влажных гнилушках зелёная цвель.
Тоска, как облезлая, старая крыса,
Опять в темноте заползла за шинель.*

*Опять ей помучить меня захотелось.
Луну утащила с подзвёздных высот,
Под влажной шинелью на теле пригрелась,
Безжалостно, медленно сердце сосет.*

---

⁵ По-видимому, автор имеет ввиду аэростаты (упрощённо и не вполне точно — воздушные шары) — летательные аппараты легче воздуха, использующие для полёта подъёмную силу заключённого в оболочке газа (или нагретого воздуха). Действие аэростатов заграждения было рассчитано на повреждение самолётов при столкновении с тросами, оболочками или подвешиваемыми на тросах зарядами взрывчатого вещества. Наличие в системе ПВО аэростатов заграждения вынуждало самолёты противника летать на больших высотах и затрудняло прицельное бомбометание (прим. составителя).

*Крысиные зубы прогрызли аорту,
По капле из жил утекает тепло...
Да сгинь ты, проклятая, ну тебя к чёрту!
И без тебя на войне тяжело.*
(«Когда долго идёт дождь», 1942) [8; т.1, с. 331]

Письмо

С.К.

*Пишу тебе издалека,
Из маленького городка,
Где подо льдом течёт Донец,
Где в камышах шуришит свинец,
Где зло режут на берегу
Орудий длинные стволы,
Где пятна крови на снегу,
Когда коснёшься их, теплы.
Гул канонады как прибой.
Дымок разрыва как цветок.
И между мною и тобой
Не километры на восток,
А эта кровь и этот бой.
На мёртвом дереве листок
Пробит неистовством свинца.
Как быть нам со своей судьбой?
Как через огненный поток
Живыми пронести сердца?*
(«Письмо», 1943) [8; т.1, с. 360]

Есть среди этих стихотворений и те, которые, по словам самого Суркова, были продиктованы «естественным раздражением не против врагов, а против некоторых своих» [8; т.1, с. 593].

Посторонним

*Да, мы, солдатня, кандидаты в покойники,
Стоящие в очереди за судьбой.
Но мы не завидуем счастью спокойненьких,
Живущих в сторонке, довольных собой.*

*Что им до того — промок ли, продрог ли ты?
Тепло им, и с крыши на них не течёт.
Кто выживет, всем им – будь они прокляты! –
Предъявит за мёртвых солдатский счет.*

*Он даст им свой ранг и свою категорию,
Он встанет, как дот, поперёк пути.
Он этим «героям» не даст в историю
По следу друзей убитых пройти.*

*Дома возводя над пеплом пожарища
И праздную трудной победы час,
Он, всё переживший, примет в товарищи
Лишь тех, кто оружие ковали для нас.*
(«Посторонним», 1942) [8; т.1, с. 328]

Живая душа поэта выстояла на войне потому, что не такие, презираемые солдатами деятели, какие описаны в этом стихотворении, а совсем другие люди окружали поэта на фронте. Именно им Сурков «отдавал всё, что мог, что имел, что умел» («Дорогая моя! Неизменный мой друг!..., 1945, [8; т.1, с. 459]).

*Мост. Подъём. И с крутого взгорья
Вид на выжженное село.
Зачерпнули мы злого горя,
Сколько сердце вместить могло.*

*Мы в походе не спим недели,
Извелись от гнилой воды;
Наши волосы поседали
От своей и чужой беды.*

*Мы идём, врагов настигая
На развалинах городов.
Ширь отбитых полей нагая
Нам дорожке райских садов.*

*Будет нами прожит и выжит
Этот третий, жестокий год,
Нашу нежность злоба не выжжет,
Если в сердце любовь живёт.*

(«Мост. Подъём. И с крутого взгорья...», 1943) [8; т.1, с. 361]

В одном строю с поэтом шли его друзья – фронтовые корреспонденты.

Алексей Сурков (слева) во фронтовой редколлегии

Чудом сохранилось начало шуточной поэмы Алексея Суркова 1943 года «Певец во стане русских воинов, или Краткий отчёт об очередной командировке вашего собственного корреспондента», посвящённой одному из

товарищей – ответственному редактору газеты «Красная звезда» Д. Вадимову-Ортенбергу. Лёгкость слога этой поэмы не приукрашивает тяжких будней фронтового газетчика, но даёт возможность взглянуть на них с юмором, без которого невозможно выдержать на фронте. Вот, например, как корреспондент добирается до передовой:

*Болтая споро и яро,
Укутана в дым и шум,
Пасётся в штабе отара
Властителей наших дум.
Ведут дебаты и споры
И в завтраки и в обед
Скучающие собкоры
Всех агентств и всех газет.
В АХО добывают водку
И ссорятся из-за пайка,
А вечером щиплют сводку,
Как жирного индюка.
По ветру настроив лютни,
В сироп макают перо
Собкоры из ТАСС и трутни
Из улья Информбюро.
Зовутся фронтовиками
Вдали от солдатских дел.
У них всегда под руками
Оперативный отдел.
На фронт? Извиняюсь! Боком!
Им дорог штабной уют,
А там, гляди, ненароком
Подранят или убьют.*

<...>

*От этой дешёвой фальши,
Как от зачёта студент,
Пугливо бежит подальше*

*Ваш собственный корреспондент.
Он птахой порхнул с порога,
Над ним небосвод, как зонт.
От штаба ведёт дорога
Туда – на войну, на фронт.*

*Мороз и ветряка жестокий.
В студёный февральский день
На фронтовом перекрёстке
Маячит бледная тень;
Тоской и стужей томима,
Стоит с поднятой рукой.
Но мимо, мимо и мимо
Текут машины рекой.*

<...>

*Их чёрствых сердец не тронут
Ни «шпалы»⁶ твои, ни мольба.
Рвёт стужа тело на части,
В позёмке степной простор.
Но вот у ЗИСа⁷, на счастье,
Чихнул и заглох мотор.
На кучу всяческих грузов,
Тюков, газет, кинолент,
Корягой валится в кузов
Ваш собственный корреспондент.*

<...>

*Метели на белом свете
Степного волка лютей,
Колючий, зубастый ветер*

---

⁶ «Шпалы» - так в просторечье называли знаки различия-прямоугольники в петлицах старших офицеров Красной Армии с 1935 до января 1943 года (когда были введены погоны): одна шпала – капитан, две шпалы – майор, три шпалы – подполковник. Звание подполковника Суркову было присвоено в 1943 году (прим. составителя).

⁷ ЗИС-5 («трёхтонка») — советский грузовой автомобиль грузоподъёмностью 3 т, один из основных транспортных автомобилей Красной Армии во время Великой Отечественной войны (прим. составителя).

*Прохватывает до костей.
Развилки. Вешки. Кюветы.
Бензиновый едкий чад.
А зубы, как кастаньеты,
Стучат себе да стучат.
Все члены ветру открыты,
Смерзаясь, пальцы нудят.
А чёртовы «мессершмитты»⁸
Гудят себе да гудят.
Шатаются, будь им пусто!
И так уж волчий уют...
То пару снарядов пустят,
То очередью польют.
Червяк, прицельная точка,
Ныряй в канаву, в овраг!
А тут ещё эта бочка,
Проклятый внутренний враг!*

<...>

*Борясь со зверьём ребристым,
На ловкость выбрав патент,
Становится эквилибристом
Ваш собственный корреспондент.
Когда ты в неравном споре
Душой и телом ослаб,
Мелькнёт, как маяк, на взгорье
Желанный армейский штаб...*

<...>

*«Смирись ты, судьба тупая!
Окончен страданьям срок!» –
Ты думаешь, переступая
Заветной избы порог.*

---

⁸ Мессершмитт – одномоторный поршневой истребитель-низкоплан. В зависимости от модификации использовался в качестве истребителя, истребителя-перехватчика, высотного истребителя, истребителя-бомбардировщика, самолёта-разведчика в ВВС фашистской Германии (прим. составителя).

*Но тут встаёт величавый
(Лихач, сердцеед и фронт!),
Умытый, побритый, прыщавый
Начальничий адъютант.
От власти своей в восторге,
Он басом на всех орёт.
Начпроды и военторги
Суют ему яства в рот.
Хоть все ордена и медали
Звенят на твоей груди
Смирись и к прыщавой швали
Почтительно подойди.*

<...>

*Что стал, от стыда сгорая,
Ломать себя нелегко?
Привыкнешь, дружок, до рая
Ещё шагать далеко...*

<...>

*Святое мы не порочим,
Но нам ли таить грехи?
А о святом, между прочим,
Писали и мы стихи.
Что в нашей жизни отлично
И дряни какой процент –
Об этом знает прилично
Ваш собственный корреспондент.*

(«Певец во стане русских воинов, или Краткий отчёт об очередной командировке вашего собственного корреспондента», 1943) [8; т.1, с. 564-567]

Из такой командировки, к слову сказать, легко можно было не вернуться, о чём с сердечной болью повествует нам стихотворение, посвящённое другому товарищу, погибшему в том же 1943 году.

Двое

Памяти В.Ставского

*С утра лежит обманчивый покой
На чёрных пепелищах, на пригорках.
Беседуют в окопе над рекой
Два человека в пыльных гимнастёрках.*

*Журчит негромкий волжский говорок,
Не перебитый лаем пулемёта.
Играет набежавший ветерок
Листочками походного блокнота.*

*Беседа плавно, как ручей, течёт.
И откровенность их сердца созрела.
Но там, за речкой, кончили отсчёт
Координат и секторов обстрела.*

*Метнули миномёты слитный шквал,
Скользнул фугасный по тому же следу,
Вспахал окоп и навсегда прервал
Негромкую солдатскую беседу.*

*Прах, взвитый взрывом, вздыбился горой.
И солнце утонуло в туче пыли.*

.....

*Солдат-писатель и его герой
Снят вечным сном в одной большой могиле.
(«Двое», 1957) [8; т.2, с. 159]*

Наверное, лучше всего понять фронтового поэта может другой фронтовой поэт. Вспомним два знаменитых стихотворения Великой Отечественной войны —

своеобразную «перекличку» во фронтовой лирике
Константина Симонова и Алексея Суркова.

Константин Симонов – Алексею Суркову:

*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.
Как слёзы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...*

*Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.*

*Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.*

*Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

*Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.*

*Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.*

*Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём».
«Мы вас подождём!» – говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» – говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.*

*По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.*

*Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.*

*За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.*

(«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...», 1941)

[6; с. 19-21]

Алексей Сурков – Константину Симонову:

*Луна висит над опалённым садом.
В ночном тумане тает синий дым,*

*Рассвет не скоро. Сядь на бурку рядом.
Поговорим. На звезды поглядим.*

*Здесь, у костра, не скрыть ночному мраку
Всей разницы повадок, вкусов, лет.
Когда я первый раз ходил в атаку,
Ты первый раз взглянул на белый свет.*

*Своей дорогой шёл сквозь годы каждый,
Мечтая счастье общее найти,
Но буря к нам нагрянула однажды,
Слила в одну дорогу все пути.*

*Тем знойным летом, слыша танков топот,
Мы побратались возрастом в бою,
Помножив мой сорокалетний опыт
На твой порыв и молодость твою.*

*Когда пробьёт урочный час расплаты,
На запад схлынет чёрная беда, –
В высоком званье старого солдата
Сольются наши жизни навсегда.*

*Испытанные пулей и снарядом,
Виски свои украсив серебром,
Мы на пиру победы сядем рядом,
Как в эту ночь сидели над костром.*

(«Луна висит над опалённым садом...», 1942)

[8; т.1, с. 319-320]

Именно другу-поэту, автору любимых народом лирических песен Великой Отечественной войны «Огонёк», «В лесу прифронтовом», «Враги сожгли родную хату» и знаменитой, ещё предвоенной, «Катюши» Михаилу

Исаковскому доверяет Сурков свои самые сердечные мысли и чувства.

Ровеснику

Мих. Исаковскому

*Погляди-ка, не наши дети ли
Жгут костры на ночном привале?
Как состарились – не заметили,
Будто целый век воевали.*

*Воеет степь орудийным голосом.
Хоть бы к ночи примолкла малость!
Седина просочилась в волосы,
Подступила к сердцу усталость.*

*Нынче громы гремят за Люблином,
Под Варшавой, под Ригой где-то.
Сколько в юности недолюблено,
Недорадовано, недопето!*

*Нами убраны сора грудищи,
Ветер вёл нас в дымные дали.
Мы за пять поколений будущих
В свой недолгий век отстрадали*

*Дерзких дум добровольным пленникам
Тихих дней перепали крохи.
Вот что значит быть современником
Непомерно большой эпохи.
И к себе мы не знали жалости.
В наших песнях не было фальши.
Стиснув зубы, сквозь дым усталости
Мы упрямо шагали дальше.*

*По-солдатски справлялись с нервами,
И была наша жизнь согрета
Тем, что в мире самыми первыми
Мы встречали зори рассвета.*

*Пусть дороги в эпоху новую
Не разведены и опасны, –
Мы свою судьбу сквозняковую
Ни на что менять не согласны.*
(«Ровеснику», 1944) [8; т.1, с. 441-442]

Трудно вчитываться в жестокие картины описания трагедий, убитых людей, искалеченной родной земли. Видимо, есть глубинная правда в том, что трагически высокое способно воплотиться в песню и уже через эту песню возвращается к новым поколениям. Так произошло с гениальной «Земляной» Алексея Суркова, написанной в самые страшные дни 1941 года и ставшей песней в 1942 году.

Но сердечная сила фронтовой лирики Суркова столь велика, что и сейчас, в двадцать первом веке, на её основе продолжают создаваться песни. Стихами одной из таких песен, «Журавли улетают» [4, с. 147-150], написанной в наши дни композитором Юрием Бирюковым на слова Алексея Суркова 1940-х годов, мы и закончим наш рассказ о фронтовом поэте Алексее Александровиче Суркове, который «шагал по обугленной боем меже» и «был своим человеком в любом блиндаже, у любого костра при пути» («Дорогая моя! Неизменный мой друг!..», 9 мая 1945 [8; т.1, с. 459]):

*Дорогая, хорошая, сердце моё!
Как медлителен времени бег!
Третий раз эта ночь поднимает в ружьё
И бросает на чёрный снег.*

*Успокоилось. Лёг. Задремал слегка.
Вижу в дымке поволжский плёс.
Слышу шелест шагов. И твоя рука
Чуть коснулась моих волос.*

*Мы над волжским простором вдвоём стоим.
В складках туч проступил рассвет.
И молчаньем твоим, и дыханьем твоим
Я на свежем ветру согрет.*

*Журавли улетают на юг, трубя,
Тянет холодом зимних дней.
Никого я не знаю лучше тебя:
Ближе, ласковее, родней.*

*Журавли улетают на юг в вышине.
Разве мы их вернём назад?..
Вновь команда: «В ружьё!» Опять по стене
Хлещет крупный свинцовый град.*

*Если снайпер чужой облюбует меня,
Гряну навзничь, руки вразброс, –
Вспомни крик журавлиный, рождение дня,
Ветер, молодость, волжский плёс.*
(«Дорогая, хорошая, сердце моё!..») [8; т.1, с. 167-168]

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гомер.** Илиада / Гомер; пер. с древнегреч. Н. Гнедича; предисл. А. Нейхардт; прим. и словарь С. Ошерова; ил. Д. Бисти. – Москва: Правда, 1985. – 432 с., ил.
2. **Левагина С.** Атлантида или град Китеж?: Родина Алексея Суркова под взглядом Тоталитарного Режима / Светлана Левагина // Ученский сборник: материалы научных конференций «На земле Святого Кассиана». Вып. 4, 5 /отв. ред. О.Б. Карсаков. – Мышкин, 2003. – С. 142-147.
3. **Певец нашей победы:** к 110-летию со дня рождения А.А. Суркова: библиографический указатель / сост. С.В. Ермишина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова». – Ярославль, 2009. – 32 с.
4. **По военной дороге** [ноты]: песни на стихи Алексея Суркова / сост. и автор коммент. Ю.Е. Бирюков; вступит. ст. Н. Сурковой. – Москва: Современная музыка, 2004. – 170 с.
5. **Поэзия солдатского сердца:** (к 100-летию А.А. Суркова): метод пособие / сост. М.С. Воронежская, С.Н. Левагина; отв. за вып. А.А. Соловьёва; Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова. – Ярославль, 1999, 14 с.
6. **Стихи военных лет:** сборник / сост. А.П. Михайлова. – Калининград: Калининградское кн. изд-во, 1974. – 312 с. – (Школьная б-ка).
7. **Сурков А.** Избранное: Стихотворения. Маленькие поэмы / Алексей Сурков; [сост., подгот. текста и предисл. А. Туркова]. – Москва: Художественная литература, 1990, 318 с.
8. **Сурков А.** Собрание сочинений: в 4-х т. / Алексей Сурков; [вступит. ст. А. Туркова; примеч. А. Тарасовой]. – Москва: Художественная литература, 1978-1980.
9. **Сурков А.** Фронтальная тетрадь: стихи: июнь-август 1941 года / Алексей Сурков. – Москва: Молодая гвардия, 1941. – 35 с.
10. **Суркова Н.** История одного письма / Наталья Суркова // Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941-1944 / авт.-сост. Наталья Громова. – Москва: Астрель, 2012. – С. 282-298.

Приложение

*Алексей Сурков, Северо-Западный фронт, 1942.
Фото Михаила Савина*

Алексей Сурков, Западный фронт, 1941

Маме - солнышко мое!

Берегу в тишине каждую минуту.
На болотных слонах - как слезы.
И твой лик в венках гераней
Прочувствуя фантом и пламя.
И тебе мне читают стихи
Из баснословных полей под Ливенями
Я жму, чтобы слышала ты
Как токует мой голос тихий.

Ты сейчас далеко, далеко.
Между нами бурьян и снег.
До тебя мне дойти не легко
А до смерти не ближе шаг.

Той, геранями, вьюгой и вьюгой.
Займись своим счастьем женой.
Мне в колодезь загляни ты
Об моей маленькой маме.

А. Сурков

24/11 1941.

пер. Кашин, под Могом.

Посвящение Софье Кривс

*Алексей Сурков, 1943
Рисунок Георгия Верейского*

Алексей Сурков читает стихи бойцам, 1942

Н.Тихонов, С.Щипачев, А.Голстой, А.Твардовский, М.Исаковский и А.Сурков (справа). Москва, 1944

« Я шагал по обугленной боем меже... »:
военная лирика Алексея Суркова
(материалы к литературному вечеру)

В издании использованы фотографии
из архива Н.А. Сурковой
Фото на обложке: А. Сурков и К. Симонов на ржевском
направлении

автор-составитель С.Н. Левагина
ответственный за выпуск Н.Н. Щепеткова

Тираж 50 экземпляров

Отпечатано в ГУК ЯО «Областная юношеская
библиотека им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль, Московский проспект, 147